

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/159-169

Научная статья

© Л. С. Гуцян

СВЯТЫЕ МЕСТА И САКРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ В АРМЕНИЮ СОТРУДНИКОВ ГМЭ НАРОДОВ СССР — РЭМ (1958 И 2021 г.)

В 1950-х гг. ленинградскими этнографами был совершен ряд исследовательских и собирательских поездок в рамках подготовки к экспозициям традиционной культуры народов Кавказа в ГМЭ народов СССР (ныне — РЭМ). Одной из таких поездок стала экспедиция в Армянскую ССР в 1958 г. заведующей отделом Кавказа Е. Н. Студенецкой и сотрудника отдела А. Л. Натансон. Полевой отчет экспедиции в г. Ереван, Горисский, Мартунинский, Басаргечарский и Октемберянский районы АрмССР, составленный по ее итогам, представляет материал по ряду тем, одна из которых — «религиозные верования», зафиксированные экспедиционерами как в нескольких селах указанных районов, так и в Эчмиадзине — историческом духовном центре армян. Данный раздел отчета имеет особую значимость, поскольку отражает сохранившиеся в советский период локальные и общеармянские религиозные практики, а также точку зрения сотрудников музея на данную сферу исследуемой культуры. В 2021 г. была совершена повторная экспедиция в указанные районы сотрудника отдела Кавказа РЭМ Л. Гуцян, что позволило сформировать сравнительный экспедиционный материал для армянских локальных сакральных практик в XX–XXI в. Основным источником для данной публикации послужили хранящиеся в РЭМ архивные документы и фотоколлекции экспедиции 1958 г., а также экспедиционный материал автора статьи.

Ключевые слова: этнографический музей, советская этнография, религия, Армения, Е. Н. Студенецкая, А. Л. Натансон

Ссылка при цитировании: Гуцян Л. С. Святыя места и сакральные практики по материалам экспедиций в Армению сотрудников ГМЭ народов СССР — РЭМ (1958 и 2021 г.) // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 159–169.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/159-169

Original article

© *Lusine Gushchian*

SACRED PLACES AND PRACTICES BASED ON THE MATERIALS OF EXPEDITIONS TO ARMENIA ORGANIZED BY THE STATE MUSEUM OF ETHNOGRAPHY OF THE PEOPLES OF THE USSR — RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY (1958 AND 2021)

In the 1950s, ethnographers from Leningrad conducted a series of expeditions in preparation for exhibitions on the traditional culture of Caucasian peoples at the State Museum of Ethnography of the USSR Peoples (now the Russian Ethnographic Museum). One such trip was an expedition to the Armenian SSR in 1958 led by E. N. Studenetskaia, head of the Caucasus department, and A. L. Natanson, a department employee. The field report on the expedition to the city of Yerevan, and the Goris, Martuni, Basargechar, and Oktemberyan districts of the Armenian SSR presents, among other topics, the results of research into the religious beliefs of Armenians, recorded in several villages as well as in Etchmiadzin — the historical and spiritual center of the Armenian people. This section of the report is particularly important as it reflects local and pan-Armenian religious practices that persisted during the Soviet period, and the museum staff's perspective on this aspect of the culture they studied. In 2021, a follow-up expedition to the mentioned districts was conducted by L. Gushchyan, Leading Researcher of the Caucasus department of the Russian Ethnographic Museum, which allowed for the formation of comparative expedition material on Armenian local sacred practices in the 20th–21st centuries. The paper is based on the archival documents and photographic collections from the 1958 expedition stored in the Russian Ethnographic Museum, as well as the author's own field material.

Keywords: *ethnographical museum, Soviet ethnography, religion, Armenia, E. N. Studenetskaia, A. L. Natanson*

Author Info: **Gushchian, Lusine S.** — Ph.D. in Cultural Studies, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: Medievist1425@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-7550-5315>

For citation: Gushchian, L. S. 2026. Sacred Places and Practices Based on the Materials of Expeditions to Armenia Organized by the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR — Russian Museum of Ethnography (1958 and 2021). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 159–169.

Одним из направлений деятельности ленинградского Государственного музея этнографии народов СССР (далее — ГМЭ)¹ являлись экспедиции научных сотрудников музея, целью которых был сбор данных для создания новых экспозиций и выставок. В 1950-х гг. этнографами из ГМЭ был совершен ряд исследовательских и собирательских поездок, среди которых была также экспедиция в Армянскую ССР в 1958 г. заведующей отделом Кавказа Е. Н. Студенецкой и сотрудника отдела А. Л. Натансон (Студенецкая 1958: 1). Среди тем, отмеченных в отчете и в фотоматериалах экспедиционеров (ОК 8974), важное место заняли сведения о церквях, святых местах, нарративы о паломнических практиках в ряде населенных пунктов Мартунинского², Басаргечарского³ и Октемберянского⁴ районов Армянской ССР (Студенецкая 1958: 2–5), а также в престольном Эчмиадзине.

Материалы экспедиции, хранящиеся в фондах РЭМ, стали основанием для моего исследования идеологически выверенных музейных научных стратегий середины XX в. (Хирш 2022) и христианских практик в рамках вернакулярной религиозности (Primiano 1995). В свою очередь, сравнительным материалом для анализа локальных сакральных традиций становятся мои полевые материалы, собранные уже в 2021 г. в областях Армавир и Гехаркуник Республики Армения, включающих соответствующие районы. Следует также отметить, что интерес к приватной и публичной религиозности в армянской культуре привлекает внимание исследователей, рассматривающих сакральные практики в ряде работ, посвященных как презентации и анализу отдельных объектов корпуса сакрализованных предметов (Simonyan et al. 2022), так и феномену культа локальных святынь в целом (Крюкова 2018: 80–90; Крюкова 2019: 256–265; Antonyan 2021: 367–391).

В тексте экспедиционного отчета в Армению (Студенецкая 1958) представлены не только маршрут, стратегия поездки и сбора материалов, но и зафиксировано восприятие экспедиционеров исследуемого ими поля. Угол зрения, зафиксированный в отчете, демонстрирует авторов как наблюдателей, сочетающих роль исследователей–этнографов и чиновников из центральной институции. От их взгляда не ускользали ни новая асфальтовая дорога, ни отношение к церкви, ни религиозные практики и их значение в армянской среде, которое они оценивали со своей точки зрения (Студенецкая 1958: 25–30).

Как указывают авторы, «один из вопросов, привлекающих наше внимание во время экспедиции, был вопрос религиозных верований. При этом он выплыл, пожалуй, сам собой. Несмотря на древнейшее христианство, в Армении сохранилось большое количество пережитков, связанных с различными моментами жизни, занятий и т. п. Особое значение имеет поклонение *сурб*⁵, арм. *Сурб* — святой. Св. Карапет, Св. Саркис и т. п., но вместе с тем, *сурб* может быть и не связано с каким-либо святым, а просто с священным местом, священным камнем и т. п. При болезни и каком-нибудь несчастье делали (и кое-где делают до сих пор) *матах* — жертву или у святого ме-

¹ ГМЭ народов СССР является преемником Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (официальное название музея, без именованя императора, до 1934 г.), в 1992 г. он был переименован в Российский этнографический музей (далее — РЭМ).

² В настоящее время входит в область Гехаркуник.

³ В настоящее время входит в область Гехаркуник.

⁴ В настоящее время входит в область Армавир.

⁵ Об этимологии и употреблении слова «сурб» см. ст. А. Месропян (*Ушуртцуйи* 2001: 118–124).

ста, или у церкви¹. В жертву приносят чаще всего курицу², а в более важных случаях барана. Барана намечали в жертву заранее, делали отметку на ухе и резали в день этого святого» (*Студенецкая* 1958: 25–26).

В отчете упоминаются следующие населенные пункты, в которых сотрудники музея столкнулись с различными проявлениями «религиозных верований»: это села Вагашен и Мартуни Мартунинского района (*Студенецкая* 1958: 26), село Басаргечар (ныне Варденис) Басаргечарского района (*Студенецкая* 1958: 28, 29), а также в селе Октембер (ныне Сардарапат) Октемберянского района (*Студенецкая* 1958: 27).

Особенно подробно ленинградские ученые останавливаются на описании бывшей церкви в селе Вагашен, неточно датированной ими IX в. (верная датировка — 1695 г.): «В сел. Вагашен Мартунинского района есть старинная церковь. Она представляет собой большое каменное здание прямоугольной формы с плоской земляной крышей. Постройка без окон... Около этой церкви раскинулось старинное громадное кладбище с надгробиями разного рода» (*Студенецкая* 1958: 26). Далее перечисляются типы надгробий и отмечается, что «У церкви есть пристройка, углубленная в землю с земляной крышей — по преданию гробница св. Варвары. Около нее что-то делали с ребенком, но мы не видели в чем дело» (*Студенецкая* 1958: 26).

Здесь следует обратить внимание на имя святой, которое в описях фотоколлекции отличается от отчетного. В описях фотоколлекций регистратор Е. Н. Студенецкая называет ее Параскевой (ОК 8974), однако эта святая в армянской традиции не значится особо почитаемой. Мы лишь можем предположить механизм, приведший к недоразумению и путанице святых: согласно армянской традиции, в которой весьма почитаема дева Варвара Илиопольская, ее день совмещается с памятью о двух других святых девах-мученицах — Феклы Иконийской и Пелагеи Тарсонской. С большой степенью вероятности, еще в середине XX в. жители села помнили об общем дне святых дев или двух из них, сообщив экспедиционерам как о Варваре, так и о Пелагее, однако Е. Н. Студенецкая заместила имя второй святой на имя весьма популярной и чтимой в православии Параскевы.

О некой триаде святых дев помнят в Вагашене до сих пор. Так, пожилой местный житель (около 70 лет) на мой вопрос, кто такая святая Варвара ответил следующим образом: «А вот тут были три сестры, как бы. Вот как есть церковь Св. Богородицы, которая в ущелье. Там есть камни, хачкары. И есть еще церковь на горе, там поставили крест на церкви. И вот еще эта. Три сестры было их. Одна на горе, другая в ущелье, третья здесь» (ПМА 2021).

¹ Здесь нам кажется уместным привести цитату из статьи С. А. Арутюнова, посвященной ритуалам, связанным с закланием животных, где он описывает свои полевые наблюдения (хронологические рамки наблюдений автором не уточняются) по поводу соотношения уровня религиозности (воцерковленности) с тем, насколько тщательно исполняется матах: «Наши наблюдения показывают между прочим что различия относительно слабы (армяне вообще набожный народ), но чем относительно менее выражена церковная набожность (как например, среди данного сельского населения), тем ярче выражены эти жертвенные предписания и тем последовательнее им следуют. И наоборот, чем больше выражена церковная набожность, значит они слабее. Церковность наименьшая — это Суник, это южная часть Армении, в районе Мегри и Кафана, а чем больше выражена церковная набожность — это в северной части Армении, тем более стертными, необязательными оказываются эти существующие традиции» (*Арутюнов* 2006: 18–19); о традиции исполнения матаха в современной армянской культуре см. также статью «Обряд матах: практики и интерпретации в армянской среде» (*Гуцян* 2011: 385–389).

² Редкое свидетельство об использовании в качестве жертвенного животного не самца, как предписывает канон, а самки.

В настоящее время церковь святой Богородицы представляет собой руинированную молельню. Деревянные перекрытия кровли с бывшим верхним световым окном значительно повреждены, однако поверх здания надстроено покрытие из профилированного шифера. На западной стороне, напротив алтаря и в алтарной части имеются небольшие окна. Внутри церкви сохранилась пристройка святой Варвары. У бывшего алтаря и в пристройке имеются множественные умолительные и обетные дары, которые можно разделить на группы по материалу изготовления и технике нанесения изображения. Итак, здесь представлены: 1. Полиграфические изображения на религиозные темы; 2. Платки с указанием а) имени просящего или давшего обет и б) написанными обращениями к святой, Богородице или Иисусу; 3. Сюжетные рисунки на бумаге; 4. Изображения крестов из гипса, дерева и других жестких материалов; кроме того, атрибутом молельни также являются свечи. Наконец, хотелось бы отдельно выделить 5. Кресты, инициалы, обозначающие Богородицу, любовные формулы, инициалы или полные имена людей на внутренних стенах молельни.

Еще одним святым местом, на которое обратили внимание сотрудники музея, стала могила у церкви в селе Мартуни. Авторы отчета пишут о ней следующее «возле второй церкви IX–X в. в сел. Мартуни мы обратили внимание на полукруг, выложенный из камня, около которого было много битого стекла. Когда мы стали расспрашивать в чем дело, оказалось, что это тоже святое место — свежая могила девушки Лусик¹, которая считается святой, так как на могиле появляется свет. Сюда ходят молиться, когда болеют дети болезнью «злое змея» (ребенок худеет и не растет). Ребенка купают на могиле, поливая водой. Затем [сосуд] разбивают» (*Студенецкая* 1958: 27), сообщают экспедиционеры.

Следует сразу уточнить, что церковь св. Богородицы представляет собой типовую базилику XIX в., которая в настоящее время не только реставрирована, но и имеет пристройку 2017 г. — колокольню, в стены которой помещены хачкары. Во дворе церкви сохранилась могила священника (с трудом читается «Гер Аракел»), именно над ней проводится обряд изгнания страха, как нам сообщила местная свечница за 60 лет: «Вы должны прийти тихо–молча, не разговаривая друг с другом... Должны умыться этой водой, обойти. Раз воду плеснуть на лицо, раз — обойти, раз — плеснуть, раз — обойти, так семь раз, потом надо разбить над ним бутылку и уйти...» (ПМА 2021). Наискосок от могилы находится небольшое строение-молельня, поднимающая со смертного одра, согласно той же информантке, это могила двух молодых девушек, на которую снисходит свет: «Это Сурб Луйс могила. На нее опустился свет, поэтому называют Луйс могила» (ПМА 2021). Далее она сообщила о личном опыте видения света. Убранство молельни аскетично, кроме свечей, из предметного ряда представлена лишь одна гипсовая статуэтка и фотоикона с изображением Христа.

¹ В документе: лусих. Согласно словарю Р. Ачаряна, имя Лусик встречается в армянской письменной традиции уже в эпоху раннего Средневековья. Значение имени, этимологию которого Р. Ачарян относит к слову լուսի — *луйс*, т. е. «свет», сохранилось в современном армянском языке (*Цицирян* 1944: 439). Таким образом, явление чудесного света, зафиксированное экспедиционерами в локальной традиции, очевидно коррелирует для почитающих могилу со значением имени девушки.

Кроме фиксации таких явлений как «святое место», экспедиционеры обращают внимание на феномен «*тан сурб*»¹: «В одном из домов в Мартуни А. Л. Натансон обнаружила домашний *сурб*. Он представлял собой маленькую пристройку к дому, куда вела из жилого помещения небольшая лесенка. Само помещение имело площадь не более 3,5х4 метров. В нем был устроен алтарь в виде [стола], на 4 ножках, на котором висела розовая занавесочка... В ящике лежали старинные армянские книги [*аветаран*], вынутые салфеточки, платочки и др., лежали кресты, привезенные еще из Турции. Висели иконы. Одна медная с изображением тельца² тоже из Турции, а другая — современная, нарисованная (встречаются также в быту фотоиконы). Внизу, на скамейке стояло несколько подсвечников со свечами, в углу лежала люстра, снятая в церкви, когда ее закрывали. В молельне молятся сами и приходят соседи... Молельня называется *аветран*» (*Студенецкая* 1958: 27).

Тан сурбы в Вагашене, в котором живут переселенцы из различных сел вокруг города Алашкерта³, сохраняются до настоящего времени. Нам удалось зафиксировать два из них. При этом основанием для первого *тан сурба* служило Евангелие, которое ныне находится вне усадьбы, а для второго — молитвенные свитки-талисманы — *hmaил*. Интересно, что Евангелие, называемое владельцем *кармир беран аветран*⁴, хранится в помещении, которое расположено в доме, где прежде проживала семья. Здание типа *glхатун* имеет ныне верхнее световое отверстие *ерттик* и печь *тонир* с выводной трубой-дымоходом. Следует также заметить, что дом, превращенный в общественное святое место, согласно надписи над входом, построен Андо в 1832 г. и реставрирован его родом в 2002 г. в честь Иоанна Златоуста, обращения к которому встречается и на дарственных платках. В целом корпус предметов из этого *тан сурба* включает ряд, уже известный нам по св. Варваре — это полиграфические изображения, платки с обращениями и крестами. К ним добавляются также макеты зданий церквей и фигурки, в том числе и шитая кукла. Заметим, что какие-либо отметки на стенах здесь отсутствуют.

Тан сурб на основании талисмана-*hmaил* находится в парадной комнате жилого дома. Отметим, что на противоположной стене от алтаря *тан сурба* находится рисунок с изображением генеалогического древа фамилии. Святыня — рукописный свиток-молитвенник 1655 г., помещена на подложку из платков и покрыта ими, находится в специальном деревянном ящике. Сам ящик на столе, перед которым находится металлический подсвечник. Предметный ряд, представленный здесь, делится

² Экспедиционеры зафиксировали распространенное среди переселившихся армян явление, называемое в научной литературе *тан сурб* или «святыня дома». Феномен «*тан сурб*»-а или «святыни дома» рассмотрен в посвященной этому явлению статье А. Марутяна, написанной на основе многолетних полевых исследований — 1980–1999 г. Автор отмечает, что ««святыни дома», встречаемые в традиционных населенных домах, имеют в целом следующее оформление: покрытые «*шуштами*» (вышитыми покрывалами или платками), они помещаются в одном из углов или у одной из стен дома, в вырытом углублении или же на искусственном возвышении, которые ограждаются занавесью, перед которым помещается необходимое для выжигания свечей: подсвечники или наполненные песком чаши, вокруг чего крепятся вышитые «*шушта*». Кроме «*шушта*» эта часть [дома — Л. Г.] в последние десятилетия иногда оформляется также изображениями Христа, Богородицы и различных святых» (*Ушртцэгий* 2001: 337)

³ С большой степенью вероятности речь идет не о Тельце, а об Агнце. Починаемые изображения с тельцом, которые можно было бы соотнести с иконой, в отличие от изображений агнца — одного из символов Христа и христианства, в армянской церкви не распространены.

⁴ Ныне на территории Турции.

⁵ Т. е. Евангелие в красной обложке.

на поддерживающий — это старопечатная книга и латунная иконка с Богородицею Оранта с младенцем, принадлежавшие семье, и подношений *hmaulu*, в виде уже известных нам полиграфических сюжетных изображений, платков с надписями, написанными или вышитыми с указанием адресата — *hmaila*, с изображениями крестов и, реже, других религиозных символов. Сюда же входят кресты, иногда с указанием имени дарителя. Особенностью данного *тан сурба* является деревянная фигурка святого в съемной одежде. По сообщению хозяйки дома, это и есть сам святой. Здесь хотелось бы отметить, что подавляющее большинство надписанных платков были принесены в дар вернувшимися из армии молодыми людьми из этого квартала. Следует также отметить, что особенно популярны были такие дарения в 1990–2000 г., сейчас эта традиция постепенно уходит.

Аналогичное явление *тан сурба* было отмечено экспедиционерами также в Октемберянской районе: «Позднее в Араратской долине, в сел. Октембер (бывш. Сардарабад) также нам говорили о домашних молельнях, но познакомиться с ними уже не удалось. В этом селении есть церковь Майрам Аствацацин и Мерелхароц Аветран¹ — молельня» (*Студенецкая* 1958: 27). Интересно, что следы *тан сурба* оказываются также в доме, покинутом армянами: «В том же селении, в одном армянском доме, в котором уже давно живут курды, мы видели *сурб* в виде небольшой ниши в стене 20–30 см, завешанной белой занавеской с вышитым на ней цветным мулине крестом, напоминающим знак трэф. Такая же постилка спускалась из ниши. Ниша пустая, в ней были только следы копоти от свечей» (*Студенецкая* 1958: 27).

В настоящее время указанная церковь является действующей, что же касается *тан сурбов* то удалось зафиксировать новопостроенное из оранжевого туфа небольшое здание, расположенное в усадьбе. Согласно сведениям, полученным от хозяев и соседей, аветран в помещении отсутствует, несмотря на это, ряд известных нам атрибутов в нем представлены. Среди них фото и типографические иконы, пасторальные изображения, платки с самодельными рисунками, фигурки молящихся из гипса. Какие-либо отметки на стенах здесь отсутствуют.

В Октемберянском районе, в селе Бамбакашат сотрудниками музея была зафиксирована закрытая церковь, которая во время экспедиции 1958 г. служила складом для зерна (*Студенецкая* 1958: 28). В настоящее время она отреставрирована. В этом же селе, основную часть населения которого составляют репатрианты 1946 г., у нас появилась возможность ознакомиться с *тан сурбом*, вывезенным из Ирана. Основу его составляет Евангелие 1645 г. с многочисленными колофонами. Предметный ряд включает поддерживающие святыню православный крест, привезенный из ссылки священником — владельцем Евангелия, его осиняльный крест, портреты священника и внука семьи, погибшего во время последней карабахской войны. Книга хранится в платке, изготовленном в Иране, покрывается алтарь большим платом с обращением к Троице, изготовленном там же. После гибели молодого человека семья решила перестроить помещение, в котором размещено Евангелие.

Наконец, экспедиционеры описали результат восстановления церкви в Варденисе (*Студенецкая* 1958: 28), а также отметили особенности празднования юбилея и трехлетней годовщины избрания католикоса всех армян Вазгена I (*Студенецкая* 1958: 30). Так, о восстановлении церкви в тексте отчета говорится следующим об-

¹ В документе: Мерелоук Аветран.

разом: «В воскресенье 21.IX в райцентре Басаргечар была открыта церковь¹, которая много лет служила складом для зерна. Церковь эта довольно поздняя, обычной армянской архитектуры. Возле нее кладбище с хачкарами и гробницами. Крест с церкви был снят, и, хотя человек, сделавший это, умер два года тому назад, его до сих пор поминают недобром. Сейчас крест снова установлен, причем сделал это инспектор базара, брат героя Советского Союза Мадаляна, человек лет 45. Ему за это обещали золотые часы. Кстати говоря, он весь покрыт татуировкой, причем спереди у него «армянский крест», а сзади «русский». Мы, — продолжают экспедиционеры, — были в церкви накануне ее открытия. Она большая, посередине разгорожена перилами с дверцами. В одной из половин возвышение, по краю которого стоит ряд подсвечников с горящими свечами и лежали церковные книги и разные приношения — куски ткани и т. п. Перед возвышением² два пюпитра с книгами... На открытие церкви прибыл епископ из Эчмиадзина и другие духовные лица... Около церкви перед хачкаром на камне приносятся жертвы. Накануне открытия мы видели там головы куриц³, а в воскресенье вечером весь камень был залит кровью» (*Студенецкая* 1958: 28). Таким образом, сотрудники советского музея впервые фиксируют церковные книги не как центральный объект *тан сурба*, а как функциональный предмет для исполнения религиозной службы.

Продолжая рассказ о действующих церквях, экспедиционеры обращаются к Эчмиадзину: «Действующую церковь мы видели еще в Эчмиадзине... Там же находится духовная академия, собирается громадное количество богомольцев и просто любопытствующих. Попасть на автобус, идущий из Эчмиадзина после службы в храме, дело почти невыполнимое, хотя мы были в обычное воскресенье». Важной для авторов отчета является фиксация проведения таинства крещения: «Мы наблюдали массовое крещение ребят разного возраста. Священник, опускавший ребят в купель, сделанную в нише стены, буквально валился с ног от усталости и время от времени приваливался к стене» (*Студенецкая* 1958: 30). От внимания авторов не ускользает поведение священнослужителей и прихожан, кроме того, их интересует, куда направляются щедрые денежные подношения церкви: «Духовные лица в Эчмиадзине держат себя очень просто, охотно беседуют с посетителями на любые темы. Снимаются со всеми желающими, в т. ч. модными дамами. Это относится и к такому высокому сану, как епископ. Эчмиадзин привлекает громадное количество иностранцев с щедрыми дарами. Так, на деньги каких-то зарубежных благотворителей для Духовной Академии заказано за границей оборудование типографии. На вопрос к епископу, что они собираются там печатать, он ответил, «что свою духовную литературу и труды академиков. За послевоенные годы в Армении, как и в других местах, можно констатировать оживление деятельности церковников» (*Студенецкая* 1958: 29). Экспедиционеры резюмируют: «Все это, несомненно ведет к укреплению религии среди некоторой части населения, что необходимо было бы учитывать и, соответственно, усиливать атеистическую пропаганду» (*Студенецкая* 1958: 30).

Итак, рассмотрев хронологически различные экспедиционные материалы, относящиеся к сакральным объектам и практикам в двух армянских областях, мы мо-

¹ Речь идет о церкви Сурб Аствацацин, построенной в 1902–1912 г.

² Речь идет об алтаре.

³ С большой степенью вероятности речь идет все же о петушиных, а не куриных головах, поскольку в *матахе* традиционно используются самцы птиц и животных.

жем сделать следующие выводы: «святые места» в целом могут быть ранжированы по своим статусам, которые, в свою очередь, определяются таким явлением как отпечатки на стенах внутри построек-святых мест. В отличие от *тан сурбов*, где мы не встречаем процарапанные на стенах инициалы и кресты, в *матурах*-молельнях и церквях, изменивших свой статус с действующей церкви на молельню, граффити встречаются как снаружи, так и внутри здания, а на действующих церквях — на внешних стенах. Объясняется это, вероятно, возможностью присвоения или демонстрацией своего присутствия в «общественном» святом месте, которая не может быть проявлена в относительно частном *тан сурбе*. В свою очередь, *тан сурб* — пример самоорганизации сообщества. Феномен предполагает мигрировавшие сообщества беженцев или репатриантов, в той или иной степени лишенных экспертов-посредников. Внутри таких сообществ компенсаторно генерируется новая группа знающих, чьи сведения не нуждаются в подтверждении специальным образованием. Непресекаемость потока обращающихся к данным святым местам, в свою очередь, объясняется временной систематичностью мистических практик, сформировавших локальную репутацию сакрального локуса, которая может быть охарактеризована категорией «намоленности места». В первой части этого определения важной является отсылка к охваченности сакральным действием сообщества во времени, т. е. локальное сообщество в течении хронологической долготы обращалось за подтверждением святости места. А вторая часть указывает на деперсонализацию проводника между просящим/молящимся и святым. Т. е. просящий не нуждается в посреднике-эксперте в виде священника-человека с присущими ему слабостями. Группа сведущих о святом месте, его свойствах и необходимых практиках формируется в группу причастных к святому месту, т. е. практически окказионально является приходом, однако не нуждающимся в посредничестве эксперта-ведущего. Это, с другой стороны, демонстрирует высшую степень индивидуализации практик, которые могут сводиться к дару, сопровождаемому негласной молитвой. При этом никто не говорит о специальных, необходимых именно здесь словах.

Мы отмечаем категориальную трансформацию регулярных, входящих в официальный церковный канон текстов — книг, молитвенников, переход их из утилитарного церковного ряда в разряд реликвий — предметов религиозно-магического свойства, обращение к которым не предполагает, не нуждается в посредниках-профессионалах, получивших специальное образование. Таким образом, эти предметы, утратив свое изначальное практическое значение, необходимое в церковном ритуале/таинствах в пользу как таковых мемориальных магических объектов.

Наконец, следует отметить распределение ритуальных и паломнических практик между церквями и святыми местами. Обряды годового и жизненного цикла не будут проводиться в молельнях и святынях дома, т. е. социализация происходит в рамках официальных церковных практик. Ситуативные же потребности, связанные с окказиональными обращениями, ведут к святыням или *сурбам*. Единственным обстоятельством жизненного цикла, включающим зафиксированное обращение к *сурбам* и, вероятно, к церкви, являются проводы в армию и возвращение после службы. Следовательно, *тан сурб* в целом монофункционален и носит характер локального защитника (человека, семьи, села). Таким образом, церкви и молельни с *тан сурбам* можно представить, как две системы, зоны функционирования которых в рамках сообщества различаются, и каждая из них имеет собственное пространство компетенции.

Источники и материалы

- Студенецкая 1958 — Студенецкая Е. Н. Отчет об экспедиции в Армянскую ССР. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1311. 30 л.
 ОК 8974 — Описание коллекции № 8974. Фототека РЭМ.
 ПМА 2021 — Полевые материалы автора, собранные в Армении в 2021 г.

Научная литература

- Арутюнов С. А. Традиция жертвоприношения: Общее и частное // Расы и народы. Том 31. М.: Наука, 2006. С. 13–19.
- Гуцян Л. С. Обряд *матах*: практики и интерпретации в армянской среде // Праздники и обряды как феномены этнической культуры: Материалы Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений / отв. ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД, 2011. С. 385–389.
- Крюкова Н. В. Народное христианство в Армении: традиции и современность // Традиционная культура. 2018. Том 19, № 3. С. 80–90. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-47-3/256-265>
- Крюкова Н. В. Религия паствы: сельские сурбы в современной Армении // Вестник антропологии. 2019. № 3. С. 256–265.
- Хириш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.
- Antonyan Y. Worship of Shrines in Armenia. Between Soviet and Post-Soviet Modernities // Journal of Religion in Europe. 2021. № 14. P. 367–391.
- Home Saint Manuscripts. Album / by L. Simonyan, K. Hovhannisyan, H. Hakobyan. Yerevan., 2022. 481 p.
- Primiano L. N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklore // Western Folklore. 1995. Vol. 54. № 1. P. 37–56. <https://doi.org/10.2307/1499910>
- Մարտիկյան Ա. «Թան սուրբ» երևույթը. ակունքների հարցը և մերօրյա դրսևորումները // Հայոց սրբերն ու սրբավայրերը. Երևան: Հայաստան. 2001. էջ 337–347.
- Մարտիկյան Ա. «Սուրբ» բառի գործածության առանձնահատկությունները հայերենի տարբեր դրսևորումներում // Հայոց սրբեր և սրբատեղիներ. Երևան: Հայաստան. 2001. էջ 118–124.
- Անտրյան Հ. Հայոց Անձնանունների բառարան. Հ. Բ. ՀՄՄՌ Մոլոտովի անվ. Երևանի պետ. համալս. Երևան: Պետ. համալս. հրատ. 1944. 682 էջ.

References

- Acharyan, H. 1944. *Hayoc andznanunneri bararan* [Dictionary of Armenian Personal Names]. Vol. 2. Yerevan: HSSR Molotovi anvan Yerevani petakan hamalsarani ratarakutyun. 682 p.
- Antonyan, Y. 2021. Worship of Shrines in Armenia. Between Soviet and Post-Soviet Modernities. *Journal of Religion in Europe* 14: 367–391.
- Arutiunov, S. A. 2006. Traditsiia zhertvoprinosheniia: Obshee i chastnoe [The Tradition of Sacrifice: The General and the Particular]. *Rasy i narody* [Races and Peoples], ed. by S. A. Arutiunov, and Z. B. Tsallagova. Vol. 31. Moscow: Nauka. 13–19.
- Gushchyan, L. Obriad matak: praktiki i interpretatsii v armianskoi srede [The Rite of “Matagh”: Practices and Interpretations in the Armenian Environment]. In *Prazdniki i obriady kak fenomeny etnicheskoi kul'tury: Materialy Desiatykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Holidays and Rituals as Phenomena of Ethnic Culture: Proceedings of the Tenth Saint Petersburg Ethnographic Readings], ed. by V. M. Grusman, E. E. Gerasimenko. Saint Petersburg: IPTs SPGUTD. 385–389.

- Khirsch, F. 2022. *Imperii natsii: etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soiuza* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 472 p.
- Kriukova, N. V. 2018. Narodnoe khristianstvo v Armenii: traditsii i sovremennost' [Folk Christianity in Armenia: Traditions and Nowadays]. *Traditsionnaia kul'tura* 19 (3): 80–90.
- Kriukova, N. V. 2019. Religiia pastvy: sel'skie surby v sovremennoi Armenii [The Religion of the Flock: Rural Surbs in Modern Armenia]. *Vestnik antropologii* 3: 256–265. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-47-3/256-265>
- Marutyan, H. 2001. “Tan surb erevuythe”: akunqneri harce ev merorya drsevorumnere [The Phenomenon of “The Saint of the Home”: The Question of Origins and Modern Manifestations]. In *Hayoc srbern u srbateghere* [Armenian Saints and Holy Places], ed. by. S. Harutyunyan, and A. Qalantaryan. Yerevan: Hayastan. 337–347.
- Mesropyan, A. 2001. “Surb” bari gorcacutyany arandznahatkutyunnere hayereni tarber drsevorunnerum [Peculiarities of the Use of the Word “Saint” in Various Manifestations of Armenian]. In *Hayoc srbern u srbateghere* [Armenian Saints and Holy Places], ed. by. S. Harutyunyan, and A. Qalantaryan. Yerevan: Hayastan. 118–124.
- Primiano, L. N. 1995. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklore. *Western Folklore* 54(1): 37–56. <https://doi.org/10.2307/1499910>
- Simonyan, L., K. Hovhannisyan, and H. Hakobyan. 2022. *Home Saint Manuscripts*. Album. Yerevan. 481 p.